

ГЕВОНД АЛИШАН

СБОРНИК

ТЫ ЕСТЬ

РАЗДАН

Раздан-река, поток родной,

Раздан, сладчайшая струя.

К тебе, покинув край чужой,

Пришел, Бабкен-скиталец, я.

Раздан! Ах, струй родимых бег!

Об чем грустишь, безмолвный брег?

Я — ваш! Меня ли не признать?

Ведь сердце не забыло вас.

Зачем забыли вы журчать

И скорбь — в сиянье ваших глаз?

Раздан! Ах, струй родимых бег!

Об чем грустишь, безмолвный брег?

Увы, найду ль зеленый лес,

Мою лачугу с миндалем?

Под бурей сгиб, в волнах исчез

Ужель мой сад и ты, мой дом?

Раздан! Ах, струй родимых бег!

Об чем грустишь, безмолвный брег?

Где свет очей, моя Хантук?

И где друзья мои, Раздан?

В плену ль у перса, в ряде мук,

Иль им покой в могиле дан?

Раздан! Ах, струй родимых бег!

Об чем грустишь, безмолвный брег?

Я одинок здесь, у русла,

И мимо ты бежишь, Раздан.

Беги! Ты многое унес.

Довольно мне, Бабкену, слез!

1847

ИЗ ПОЭМЫ «АВАРАЙРСКИЙ СОЛОВЕЙ»

Скажи мне, о луна, зачем так безмятежно

Плывешь по небу ты и освещаешь нежно

Заснувшие поля, и гор далеких склон,

И старца бедного, что в думы погружен,

Блуждая в час ночной на Аварайрском поле,

О подвигах армян и их завидной доле? ..

Иль хочешь ты спустить блистающий покров

Из трепетных лучей на прах святых борцов

И ясный, чистый лик, как нежным покрывалом,

От крови их святой украсить блеском алым?

Иль вспоминаешь ты о мужестве армян,

О том, как в битве пал великий наш Вардан,

Что, в грозный бой вступив с врагом родного края,

Нашел покой душе в селеньях вечных рая?

А ты, река Тыгмут, борцов великих кровь

Принявшая в себя, — ты словно плачешь вновь.

Ты, нежный ветерок, гонец крутого ската

Седой горы Маку иль старца Арарата,

Ты сам подобно мне колеблешься, дрожишь.

На слабых крыльях ты с вершины гор летишь

Через холмы, поля, безмолвные дубравы,

Туда, где всё полно минувшей, громкой славы,
Чтоб разнести мой вздох, поведать грусть мою
И братьям рассказать о том, как я скорблю. ,
А ты, влюбленных друг, певец надежды страстной,
Что гимн любви поешь пред розою прекрасной,
Волшебный голос твой с моим напевом слей —
И смерть святых борцов прославь, о соловей!..

1847

ВЕРШИНЫ МАСИСА

Великан Масис выше всех стоит,
С голубых небес глас его летит:
«Горы вы мои, братья и друзья,
Между вас стою исполином я.
Я Большой Масис, древен я и сед,
Между вас горы родовитей нет.
Дал мне сам Творец рост великий мой,
На меня ступил прародитель Ной,
Рек Амасия: я его гора,—
Именем своим окрестил Ара,
Кланялся мне Гайк, предок всех армян,
Пленников ко мне приводил Тигран,
Из моих пещер гневный Артавазд
Клялся, что весь мир бедствию предаст,
Брал Великий Трдат из моих теснин
Камень — возводить Свят Эчмиадзин.
Всем царям армян я символом стал,
Всех богатырей силою питал,

И гордится мной род сынов моих,

Как и я горжусь подвигами их.

Мне поклон от вас надлежит, как встарь.

Я Большой Масис, я ваш вечный царь».

СловоМалого Масиса

Я сородич твой, я твой младший брат,

Это ты и я вместе — Арарат.

Вправду ты велик, вправду серафим

Не дерзал ступать по бровям твоим,

Вправду ты стопой топчешь облака,

Вправду у тебя слава велика.

Братней славой, брат, крепко дорожу.

Так изволь внимать слову, что скажу.

Не хвались, старик, перед гор толпой.

Шуточки шутить будут над тобой,

Станут говорить расшумелся дед,

А Страны армян и в помине нет.

Слава этих мест громкая прошла,

С головы твоей, как вода, стекла,

Унесли ее речки и ручьи,

Те, что бороздят голени твои

И текут, к морям пролагая путь.

И, как тех ручьев, славы не вернуть.

Большой Масис

Пусть текут ручьи, пусть бегут к морям!

Я добавлю волн к прежним их волнам.

Хватит вод моих им на вечный бег.

Так и честь моя не иссякнет ввек.

Малый Масис

Воду в родники на твои бока
Мигом возвратят с моря облака.
А вот кто вернет славу и почет,
Что с тебя, мой брат, как с меня, стечет?
Отдана толпе на позор и смех
Память о делах исполинов тех.
Я уж не символ их побед былых,
Я всего лишь гнет на могилах их.
Ах, вода сама вновь идет к волнам,
Слава же нейдет от отцов к сынам.
Был и ты горяч, да потерян счет
Тем летам, что спит в твоём горне лед.
Редкий солнца луч край жерла кропит,
Но не тает лед и спокойно спит.
Большой Масис
Малый оком малому под стать.
Большему из нас большее видать.
Зрю, что зреть тебе не даёт туман, —
Слава не ушла из Страны армян.
Малый Масис
По верхам глядишь, там тебе светлей,
На свету и пень смотрит веселей.
В глубину гляди, где не так светло, —
Снег забил твоё холодное жерло.
Сотни тысяч раз набежит весна,
Только жар в тебя не вдохнет она.
Так и дух армян, о котором речь,
Охладел — и горн больше не разжечь.
Большой Масис

В глубину глядеть, так глядеть до дна.
Всё, что ты узрел, видимость одна.
Глубже, говоришь? Ну ступай, гляди,
Как ярится горн у меня в груди.
Да поберегись! Чутьдохну не так —
Станешь ниже ты, чем средь поля злак.
Но и то не дно. Хочешь видеть дно?
В толщах недр земных спрятано оно.
Это сверху лед, это сверху тлен,
А на дне кипит пламя ста геенн,
Пламя ста геенн рыщет под золой.
Стоит мне плеснуть серой и смолой,
Землю затрясет, распахнет, как пасть, —
Всё, что есть вокруг, рухнет в эту страсть,
Всё, что есть вокруг, рухнет в этот ад,
И конец тебе, меньшенький мой брат!
Дым извергну я, пепел изрыгну,
Солнце застелю, опалю луну,
Племя новых гор в круг поставлю здесь
И пошлю о том Арагацу весть
С громом недр моих, с тучами камней,
С огненной рекой, чтоб ты канул в ней!
Вот он я каков, если вглубь взглянуть:
Ледяной покров — пламенная суть,
Под щитом снегов — огненная плоть.
Не погаснет горн, что разжег Господь.
Малый Масис
Верно, что разжег. Тут не возражу.
Только не сердись, если так скажу:

Властен погасить всякий, кто разжег.

«Давший волен взять», — говорит Пророк.

Что, как сам Господь, — братец, рассуди! —

Погасил огонь у армян в груди?

Большой Масис

«Смерть, — сказал мудрец, — богу не нужна».

Любит бог будить мертвое от сна.

Камень мертв, но в нем искра ждет, жива,

Жив и уголь в золе, хоть зола мертва,

Ночи тьма мертва — жив огонь свечи,

Вечер не мертвит утренние лучи.

Так и пыл армян. Ты твердишь — угас?

Нет! Зажжется он, как настанет час.

Малый Масис

Есть иная мысль и того страшней:

Что, как род армян проклят меж людей?

Вопиют о том к милости небес

Горестный Мовсес, страждущий Нерсес.

Большой Масис

Неустойчив мир, переменчив мир.

Нынче смотришь — сор, завтра глядь — сапфир.

Вечна лишь над злом у проклятья власть,

Но никто не тщись доброе проклясть.

Бога позабыл в распрях род армян,

И за то ему горький жребий дан.

Если ко Творцу припадет он вновь,

Если брату брат возвратит любовь,

Если брату брат станет помогать,

Станет доверять и оберегать,

Отвратясь от зла чистою душой,
Если будет так, — я, Масис Большой,
Спрашиваю всех, дайте мне ответ —
Не зажжется ль вновь для армянства свет?

Малый Масис

Он зажжется вновь, если весь народ
Общую к добру волю соберет.
А когда добро род армян сплотит,
Он себе и нам славу возвратит.
И об этом, брат, спору нет у нас.

Но когда ж придет этот светлый час?

Большой Масис

Горный край, внимай своему царю!
Слушай, младший брат, то, что говорю!
Я дремлю-дремлю, я молчу-молчу,
Но в урочный день я загрохочу,
Я, Большой Масис, пламя изрыгну,
Сотрясу армян ветхую страну.

Для моих сынов это будет весть,
Что пришла пора возвращать им честь,
Но творя добро, бдительно храня
Мудрый мир и жар братского огня.

Малый Масис

Целый горный край и Масис Меньшой
Помнят твой обет, о Масис Большой.
Пламя над тобой и багровый дым —
То благая весть всем сынам твоим.

Большой Масис и Малый Масис

Коль творят добро, бдительно храня

Мудрый мир и жар братского огня.

Слово Наапета

«Что же медлишь ты, о Большой Масис!

Время! Час настал! Пробудись, проснись!

Изрыгни огонь и багровый дым

И благую весть дай сынам твоим.

Вот он задрожал, наш Большой Масис!

Время! Час настал! Пробудись, проснись,

Верный Гайков сын среди своих долин!

Глянь, как делу рад горный исполин!

Будь же всей душой делу рад и ты,

Воплощай свои пылкие мечты,

Но творя добро, бдительно храня

Мудрый мир и жар братского огня.

Что же медлишь ты, старый Наапет?

Навести Масис хоть на склоне лет», —

Наапет сказал и пустился в путь.

Кто пойдет за ним на Масис взглянуть?

1848

АШОТ ЖЕЛЕЗНЫЙ НА ОЗЕРЕ СЕВАН

Что-то не в срок нынче настала зима,

С горных высот ринулась белая тьма,

Ходит буран, лютый буран ледяной,

Очи сечет, снег наметает стеной.

Пышные розы пожухли,

Мальвы на склонах потухли,

Очи слезами набухли.

Горе тебе, мирной армянской лозе!

Быть не зиме — быть иноземной грозе!
Семьи князей прячутся по крепостям,
Но плугарю нету убежища там.
Солнце не взвидело света,
Видя предательство это!
Стыд! Стыд писать Наапету!
Кем на армян выведен вражеский строй?
Кто же они, спеси и низости рой?
Что за уста, что за пустые сердца
Отчей земле алчут лихого конца?
Будьте вы прокляты, руки,
Коим хватило науки
Строить нам беды и муки!
Где ты, Ашот? зришь ли ты вражеский стан?
Зришь саранчу, что затмевает Севан?
Полк за полком и за отрядом отряд
Шлют на армян Шам и кичливый Багдад.
Всюду Бешир проникает,
Вражьи шлемы мелькают,
Сабли и пики сверкают.
Где ты, храбрец? Где ты, наш избранный царь?
В сердце врага грозной десницей ударь!
Вот он, наш царь! Вот он как буря летит!
Он свой народ в горестный час защитит.
Стону народному внемлет,
Пламенный меч свой подымлет,
Битву с врагами приемлет.
Рыками льва он созывает друзей —
Башни молчат, башни трусливых князей.

Поднятый меч стынет в царевой руке,
Царь осажден в озере на островке.
Синие воды Севана,
Вкруг — лишь сполохи багряны,
В сердце — горящая рана.
Ночью туман пал на озерную гладь.
Бедный мой край, где ты? Тебя не видать.
Только сквозь шум пенной севанской волны
Будто бы плач, будто бы вопли слышны.
Будто бы горное море
Голосом скорби и горя
Молит рассвет обо взоре.
О, как черна синяя прежде волна!
О, как в тоске бьется о камни она!
О, как во тьме стонет севанский простор! —
Словно народ руки с мольбою простер.
Мечется царь безысходно,
Чует он плач всенародный
В темени злой и холодной.
Это не тьма царские очи слепит,
Это в груди гневное сердце кипит.
Вспомнил отца, вспомнил счастливые дни,
Бросилась кровь в очи — ослепли они,
В царских глазах запылало,
Будто бы молнии жало
С черного неба упало.
Вот он повел сводами грозных бровей,
Вот он потрянул смолью армянских кудрей,
Вот он из уст пламенный вопль испустил —

Дрогнул Севан, словно бы зов возвратил:

«Царь наш, о, слово скажи нам,

Слугам твоим и дружинам,

Скалам, волнам и вершинам!»

Бодрый порыв будто прошел островком,

Ожил Ашот, этим порывом влеком,

Духом воспрял, взор посветлевший — меча,

Ищет он стрел, ищет из ножен меча.

Малый свой полк привлекает,

Копие в камень втыкает,

Пламень из скал высекает.

Други мои! Верно вы служите мне.

Час наступил — вместе послужим стране!

Горсть смельчаков — это великая рать,

Против нее нелюдям сил не набрать.

Ворог коварный и лживый!

Ведай: покуда мы живы,

Край наш тебе не пожива!

Ночь унесла черные скопища туч,

Алой зари пал на окрестности луч,

Синий Севан царь оглядел с вышины,

Слушая глас отчей земли и волны.

Сердце всё так же кипело

Яростно, сильно и смело,

Милые веси жалело.

Утренний ветер свежестию воздыхал,

В сини небес алый пожар полыхал,

И, пробудясь, дикие орды врага

Вышли на свет, заняли все берега.

Всюду их знаки и лики,
Всюду их луки и пики
И отовсюду их крики.
«Эй, царь царей! Любо ль средь моря дрожать?
С суши сбежал — некуда больше бежать.
Дай только срок — дальше тебе не уйти,
Биться тебе рыбкою в нашей сети!
Рыбкой, которой несладко
С царской прощаться повадкой,
С нашей знакомиться хваткой!»
Кликнул Ашот семьдесят смелых бойцов —
Десять плотов ждут на воде удальцов!
Копьями в дно правят в воде ледяной,
Держат к волне, солнце у них за спиной.
Гулок прибой и размерен,
Враг удивлен и растерян,
Путь, нами избранный, верен.
Царь приказал — семьдесят стрел огневых
Жалят врагов в самое сборище их,
Кружат плоты, носятся вдоль берегов,
Стрелы разят, вводят в расстройство врагов.
Битвой Ашот верховодит,
С плота на плот переходит,
Страх на Бешира наводит.
Рыщут плоты возле прибоя впритир,
Скрывшись в шатре, руки ломает Бешир,—
Стаям его нету спасенья нигде,
Гибнут они и на земле, и в воде.
Лютому знойно бурану,

Сечи не выдержав бранной,
Прочь он бежит от Севана.
Моет волна зубы крутых берегов,
Напоена кровью и желчью врагов.
Скверну презрев, рыба ушла в глубину,
Черви со дна всплыли, всосались в волну.
Трупы, одетые в пену,
Лижут наш берег смиренно,
Вглубь уходя постепенно.
Выше горы, солнце гегамское, встань,
В левую глянь, в правую сторону глянь!
Ветр, собери свежесть с ликующих гор!
Пусть за тобой ходит севанский простор!
Волнам найдется работа! —
Пусть рукоплещут без счета,
Славя победу Ашота!
Властвуй, Ашот! Соколом по небу рей!
Истинно ты царь всех армянских царей!
Смело ступай в каждое поле и дол!
Сломлен Бешир, он безвозвратно ушел.
На островке среди бездны
Был ты Ашотом Железным,
Стал же — булат искрозвездный.
Так ударяй твердым булатом о сталь,
Искры раскинь в самую дальнюю даль,
Оберегай свой отвоеванный край,
Крепким щитом длани над ним простирай!
Боже, во благо Армении
Даждь ему меч одоления,

Даждь Наапету радение!

1858

ЛУНА НАД АРМЯНСКИМИ МОГИЛАМИ

(Отрывок)

Ах, чудо мое, луна! Тебя всемогущий бог
Поставил звезды водить и сам твой светоч возжег.
Недремлющим оком ты колышешься надо мной,
Пред ликом божьих небес лампадой теплясь ночной.
Над чашей из серебра горит золотой фитиль,
Вокруг роится в тиши светил алмазная пыль,
Очами пью молоко с краев твоего ковша,
И, умиротворена, не ропщет моя душа.
О, как ты была ясна меж пятым днем и шестым,
Когда достроил Творец твой путь над садом своим!
О, как же был чист твой свет на юных дерев гурьбе,
Когда впервые запел соловушка вслед тебе!
Певца сладкозвучный глас от холма к холму летел,
Меж ними первый ручей, волной играя, блестел.
Свидетель чуда того, ликующий серафим
Тебе дорогу средь звезд перстом расчистил своим.
И вот измерила ты хрустальный небесный свод
И тихо сокрылась прочь, узрев, что солнце встает,
Что огненный луч его пронзил остывший эфир,
Эфир рососою опал и утро приходит в мир.. .
О солнце! Не поспешай! Прошу — укроти свой луч!
Пускай погостит луна на воле средь звезд и туч!
Луна, погоди! Присядь у облачка на краю,
Свой ровный молочный свет пролей в пещеру мою!

Смятен Наапет душой от бед на его пути,
Он хочет слово сказать и жалобу принести.
Велел же тебе Господь служить утешеньем нам
И лик-обращать к тому, кто волю дает слезам!
Ты помнишь, как пред тобой блаженством дышал
Эдем,
Как рад был тебе Адам, нагой, но довольный всем.
Куда б ни падал твой луч с назначенной высоты —
А ныне, черным-черна у горных подножий, тень
Лежит средь руин церквей, среди могил деревень,
Среди армянских могил, которым нет на земле
Иного места, чем гарь, коснеющая во мгле...

1858